

Э. В. Минченоч (Брегвадзе)

«ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ!»

Эмма Владимировна Минченоч (р. 1932) — выпускница ЛХУ 1953 года (педагог Ф. И. Балабина), артистка Театра оперы и балета им. С. М. Кирова (1953–1977).

22 июня 1941 года в Ленинграде был жаркий солнечный день. Я и моя мама поехали загорать в Озерки. Лежали на траве, наслаждаясь прекрасной погодой. Мне было восемь лет, только что закончила первый класс, впереди беззаботное лето... И в одно мгновение все переменялось! Стремительно разнесся слух, что началась война. Мы сразу сели на трамвай и поехали домой. Жили мы на Выборгской стороне в Бабурином переулке (ныне улица Смолячкова). Наш дом, построенный в 1920-х годах, задумывался как дом нового, социалистического быта. Коридор во весь этаж, по бокам около тридцати комнат, две кухни, два туалета. Мы занимали комнату с одним окном. Вскоре из этого окна мне довелось увидеть страшные картины.

Дома нас ждал мой отец. Он сообщил, что его уже призвали, и он сегодня уезжает на место службы. Отец был военным фельдшером, и его отправляли на Ладожское озеро, на минный тральщик. Впоследствии именно отец спас нас от неминуемой гибели. А тогда, в первый день войны, мы с мамой остались одни. Вскоре маму отправили рыть противотанковые рвы. Я ездила с ней и помню, как тысячи женщин кидали лопатами черную землю. Подымаясь в воздух, она закрывала все небо.

Вышел приказ о светомаскировке. Мы занавесили окно чем попало, предварительно наклеив на стекла полоски бумаги крест на крест. Начались налеты. Мама стала дежурить на чердаке — боролась с бомбами и «зажигалками». Несколько раз брала собой и меня. Там я слышала рев немецких самолетов, уханье зениток. Однажды видела воздушный бой. Наш истребитель дрался с немецким. Не помню, кто победил, но мне хочется верить, что наш!

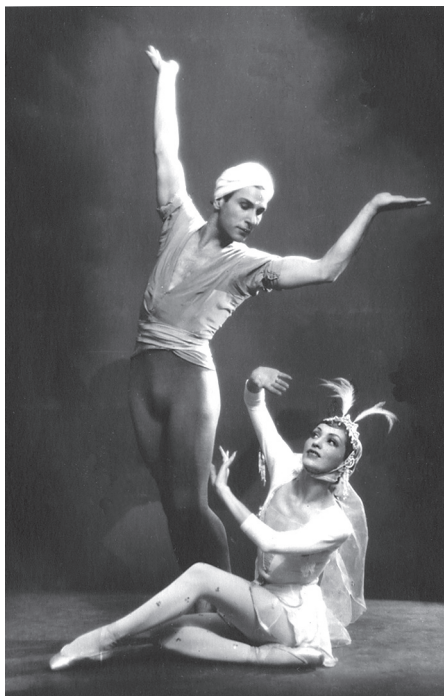
Все блокадники вспоминают радио — зачастую это была единственная связь с внешним миром. Помню и я леденящий душу вой сирены, монотонный звук

Э. Минченоч в эвакуации. 1943–1944 гг. Фото из личного архива Э. В. Минченоч

Э. Минченоч. 1964 гг. Фото из архива Мариинского театра

Э. Минченоч (Ширин), Б. Брегвадзе (Ферхад). Балет «Легенда о любви». 1960-е гг. Фото из личного архива Э. Минченоч

метронома. Блокадный радиоприемник потом долгие годы хранился в нашей семье, напоминая о войне.

В подвале соседнего дома оборудовали бомбоубежище. У каждого там было свое место, лежали какие-то тряпки. Было темно и мрачно. Люди в основном сидели молча и только считали взрывы бомб и снарядов. Здесь я хочу помянуть добрым словом двух старушек, занимавших место недалеко от меня. Старушки эти были обрусевшие немки. Они, видимо, жалели меня и иногда приносили мне кусок хлеба, немного посыпанный сахаром. Это было настоящим лакомством! Потом старушки куда-то исчезли. Или их депортировали как немцев, или они умерли. Не знаю. Спасибо им за доброту!

Однажды, когда мы были в убежище, дом сильно трянуло, раздался оглушительный взрыв. Оказалось, это снаряд попал в край нашего дома и разрушил два этажа. Вернувшись в нашу комнату, мы обнаружили крупный осколок. Он прожег пол и был еще теплым, когда я взяла его

в руки. От этого взрыва вылетели стекла, и нам пришлось заделать окно клеенкой и кусками картона. Небольшой кусочек стекла сохранился, через него я и смотрела на улицу. Дом не расселили, мы продолжали в нем жить, вернее, выживать.

Вскоре погасло электричество. Мама соорудила из какой-то бутылочки коптилку. В бутылочку наливали керосин, опускали фитилек из ваты, и крохотный огонек тускло мерцал, борясь с темнотой. С большим трудом маме удалось достать «буржуйку» — небольшую круглую железную печку. Труба от нее шла через половину комнаты и выводилась в окно. Топили, чем придется. Тепла печка давала немного, но можно было вскипятить воду в чайнике.

Надвигались холод и голод. На ночь мы уже не раздевались. Ходили и спали в пальто, зимних шапках, валенках. На одеяло накидывали все, что можно, но холод все равно сковывал тело. Появилась апатия. Чувство самосохранения начало пропадать. В бомбоубежище мы уже не ходили. Не было сил спускаться каждый раз по лестнице: налеты и обстрелы стали почти непрерывными.

В самое тяжелое время я получала 125 граммов хлеба, мама — 250. Маленький кусочек был тяжелым и водянистым, с различными примесями, но такой желанный! Помню дуранду — спрессованный жмых из подсолнечных семечек. Я подолгу сосала эти колючие плитки, хотя ничего питательного в них, по-моему, не было. Мама где-то достала отруби и сварила из них «кашу», но я не смогла ее

есть — стало тошнить. Не переносила я и соевое молоко. Как-то раз мама принесла пачку клея для обоев, просеяла через сито, разбавила водой и испекла на буржуйке несколько тонких оладушек, почти прозрачных, с синеватым оттенком. Мы их съели, попрощались друг с другом и легли спать. Утром обрадовались, что живы.

В это время я почти не выходила из комнаты, почти не разговаривала. Кожа у меня стала сухой и начала шелушиться. Я сидела в оцепенении и только часто спрашивала у мамы, который час. Мама делила наш жалкий паек на три части и давала мне мою порцию в строго определенное время — это был закон. Вся моя жизнь тогда свелась к ожиданию этих часов. Становилось все хуже. В память врезалось, как мама лежит на кровати и плачет. «Мамочка, почему ты плачешь?» И мама шепчет: «Я очень хочу есть». Я лезу под стол и пытаюсь найти хоть какие-то крошки, но ничего там нет. Ложусь рядом с мамой, обнимаю ее. Так мы и лежим — в холоде, голоде, темноте.

Коридор наш быстро пустел, люди стали умирать. Помню татарскую семью — отец, мать и шестеро детей — мал-мала меньше. За одну ночь оба родителя умерли. Осиротевших детей куда-то увезли. На лестнице лежала мертвая женщина с вырезанными мягкими частями тела. Было и такое. Но самое ужасное я увидела однажды из окна. Еще в сентябре смотрела на огромное зарево, — горели Бадаевские склады. Можно представить, что это был за пожар, если его было видно с четвертого этажа на Выборгской стороне, а склады находились примерно на уровне Московских ворот! Видела я и как горели американские горы в саду народного дома (сейчас это здание занимает Мюзик-холл). Пожалуй, это были два самых печально знаменитых блокадных пожара.

Как-то ночью во время налета я заметила цепочку зеленых огней, взлетающих в черное небо и дугой опускающихся на землю. Это немецкие агенты корректи-

Э. Минченоч
(Джультта).
1960-е гг.
Фото из личного
архива
Э. Минченоч

ровали огонь немецких бомбардировщиков, стреляя из ракетниц. Я сильно испугалась, думала, что сейчас уж точно попадут в наш дом. Из моего окна был виден ряд деревянных сараев. И вот у этих сараев постепенно стала расти страшная «стенка». Это были заледенелые трупы ленинградцев, сложенные друг на друга штабелями, как дрова. Одни были завернуты во что-нибудь, другие лежали, в чем умерли. Всю зиму стена из людей росла, и только в начале весны приехал грузовик-трехтонка, тела побросали в кузов и повезли несчастных в последний путь... Царство им Небесное!

Когда наше положение стало просто отчаянным (мама уже поднималась по лестнице только на четвереньках!), пришел вызов от отца. Было это в марте или в начале апреля 1942 года. Я не помню подробностей, только то, как мы закрыли нашу комнату и, собрав последние силы, пошли на вокзал. Ехали в почти пустом поезде. Все окна были разбиты, и ледяной ветер продувал вагон насквозь. Потом долго шли по льду Ладожского озера, искали замерзший во льдах тральщик отца. Моряки хотели нас сразу накормить борщом и макаронами по-флотски, но отец знал, что этого делать нельзя. Нам безумно хотелось немедленно съесть все это фантастическое богатство. Поели чуть-чуть и сразу уснули, как убитые.

Мы стали жить в землянке на берегу озера, потом при медпункте, где работал отец. Постепенно начали приходить в себя, так как с питанием здесь было лучше, чем в Ленинграде. Своего последнего погибшего ленинградца я помню, как сейчас. Это был мальчик, младенец. Он умер по дороге из города и лежал в нашем медпункте. Не знаю, почему я подошла к нему и взяла на руки. Головка его качалась из стороны в сторону, а я смотрела на его лицо. О чем я тогда думала? Не знаю. Сейчас я вспоминаю о миллионах загубленных, ни в чем не повинных душ, и мне становится тяжело на сердце.

Через пару месяцев, уже по открытой воде, нас переправили через Ладогу, и мы оказались в деревне Варваровка под Омском. Как только в январе 1944 года Ленинград был полностью освобожден от Блокады, нас отправили домой, но до любимого города мы не доехали. На станции Саблино, что под Ленинградом, нас сняли с поезда, и маму мобилизовали на работы по восстановлению железнодорожных путей. Кроме того, мама хоронила убитых немецких солдат. У одного из них нашли фотографию молодой, симпатичной женщины, по-видимому, жены. Мама сохранила эту фотографию как еще одно свидетельство бесчеловечности войны, этого абсолютного зла.

Через три месяца нам наконец разрешили вернуться домой. Никого из довоенных соседей на нашем этаже не оказалось. Люди были все новые, кто из разрушенных домов, кто из эвакуации. Это означало, что почти все наши знакомые погибли. Еще десять месяцев шла война, но уже далеко от нас. Наступило 9 мая. По радио объявили о Победе. Все выскочили в коридор. Кричали, смеялись, плакали, целовались... Мне не передать словами, что чувствовали мы в тот самый счастливый день. И была такая надежда на лучшее, такая уверенность в будущей прекрасной жизни, что ни в сказке сказать, ни пером описать!